

Вкус жизни

Сколько людей, столько и мнений. Сотня англичан может отправиться в одну и ту же страну, даже город, поселиться в одной гостинице и уехать на Родину в один день. И у каждого переживания, впечатление, воспоминания будут свои. Чья-то память обогатится новым опытом, новыми знаниями значительно, чья-то меньше, чья-то на унцию. Это зависит не только от человека, но и от того, как он провел время. Есть любители приключений, что стремятся исследовать каждый закуток. Есть чудачки, что и носа не кажут из гостиницы. Автор сих строк относится скорее к первым, чем ко вторым. Но, несмотря на мою страсть к путешествиям, шестая поездка – в Калькутту – оставила в закоулках памяти только сажу. Кажется, это единственный случай, когда дни, отведенные на познание нового кусочка Земли, лучше провести за книгой. В самом деле, сидя в номере, ничего памятного не получишь. Гуляя же по улицам, вы надолго запомните невыносимую жару, липнущую к телу одежду, галдящих мальчишек, осаждающих со всех сторон, головокружительную смесь ароматов пряностей и вони испражнений. Если же вам посчастливилось, как мне, зазеваться и не успеть в гостиницу до темноты... В отличие от наших нордических земель, в Калькутте день сменяется ночью резко. Искусственное освещение отсутствует напрочь. Того гляди забредешь в лапы грабителей или заблудишься. К счастью, я отделался легким испугом и несколькими ушибами.

Возможно, дамам понравились бы местные лавки. Слабый пол, подобно сорокам, любит всё яркое и блестящее. В этом плане Индия, и Калькутта не исключение, чудесная страна. Ткани дивного окраса, резная мебель из ценных пород дерева, сверкающая утварь, великолепная архитектура. Последней Калькутта славится, не зря её зовут «городом дворцов». Если бы не ужасный климат, толпы нищих калек и гадящее, где пожелается, местное население, Калькутта могла бы сойти за сказку. Мне же она запомнилась как гадюшник. Я гадал, кем был мистер Чернок¹: круглым дураком или удивительным оптимистом? Большая влажность, духота сильно затрудняли задачу выглядеть, как джентльмен. Постоянно хотелось скинуть цилиндр и сюртук, расстегнуть рубашку, а плотные штаны сменить на вешти². Именно в таком подобии одежды ходила добрая часть тамошних мужчин. Ко всему прочему, поездку очернила весточка из дома, а случившееся немного позже придало воспоминаниям о Калькутте мрачную атмосферу.

Перед тем как я получил письмо из Англии, произошла радостная встреча. Среди блестящих от пота и масел тел индийцев я заметил европейское лицо. Каким родным оно мне тогда показалось! Вскоре мы уже жали друг другу руки. Моего нового знакомого звали доктором Абрамсом. Он был судовым врачом на корабле, совершавшим рейсы от английских берегов к индийским, и наоборот. Этот интересный персонаж с седеющим веером волосом на макушке, мелкой сеточкой морщин на обветренном загорелом лице и маленькими окулярами, прочно засевшими на крючковатом носе, расположил к себе с первых минут беседы. Бедняге пришлось долго терпеть мои вопросы об Англии, словно я отсутствовал в ней несколько лет. В действительности прошло не так много времени, чтобы на острове что-то кардинально переменялось. Просто хотелось услышать о доме, отвлечься от зноя и запахов города.

Доктор Абрамс в свою очередь спросил, как я нахожу Калькутту, и добавил: «Дивное место, не правда ли?» Дивное. Только от слова «див»³, а не «диво». Более всего доктор Абрамс чествовал индийскую кухню. Собственно, и блюда выбирал он. Я же с опаской посматривал на все эти «дхап», «чаппати» и вспоминал, как тут заботятся о гигиене. К еде я не прикоснулся. Доктор Абрамс, конечно же, выразил удивление. Благо, отвечать не пришлось. К нашему столику подошел мальчик-индус и спросил меня:

– Вы сэр Чарльз Тёрнер?

– Да, – ответил я.

¹ Джоб Чернок выбрал место для строительства Калькутты, которой предстояло стать столицей Индии.

² Вешти – светлая ткань, которую индийцы обматывают вокруг бедер.

³ Див – азиатский чёрт.

– Белый человек с корабля просил найти вас.

Мальчик передал письмо и застыл, нагло вперив в меня блестящие глазенки.

– Что-то ещё?

Мальчик замялся.

– Ах да, держи.

Индуc схватил протянутую монету и дал дёру, словно боялся, что я могу передумать и отобрать её.

Я прочёл адрес и, ломая печать, сказал доктору Абрамсу:

– Ох, дорогая матушка, она явно опоздала с новостями. Похоже, я зря вас мучил, доктор.

Как только взгляд упал на витиеватые строки, ирония и беззаботность сбежали с лица. Это не ускользнуло от внимания доктора Абрамса, и он встревоженным голосом спросил:

– Что-то случилось, сэр Чарльз?

Я чувствовал, как брови тяжелеют и кренятся книзу, лоб вскипел буграми.

Матушка начала издалека, но я уже видел беду. Теперь я помню письмо плохо, но два слова, словно огнём выжжены в голове. «Отец умер». Я боялся пошевелиться, точно передо мной лежала не бумага, а кобра. В глазах зашипало, язык онемел.

Доктор Абрамс наблюдал за мной и не на шутку перепугался. Вскочил, чтобы позвать на помощь, но я придержал его за руку.

– Не стоит, доктор, – от замогильного голоса у самого побежали мурашки. – Я здоров, как бык, чего нельзя сказать о моём отце.

Доктор Абрамс расслабился, вернулся к столу, состроил скорбную мину и выразил соболезнование.

Я кивнул и попросил заказать виски.

– Здесь индийская кухня. Вряд ли...

– Доктор, это английская колония! – вспыхнул я.

Несколько лиц обратились в нашу сторону. Я понял, что погорячился.

– Извините. Но ведь здесь должно быть что-то английское?

Доктор Абрамс покачал головой.

– В гостинице, но не здесь. А тут вы можете заказать бамбуковую водку, тростниковую настойку... Но я бы не советовал пить это.

Я сник. Доктор Абрамс запустил руку под сюртук.

– Не огорчайтесь, глоток старого доброго у меня найдется.

Отвинтил крышку и налил в неё виски.

– Напёрстка мало, – печально хмыкнул я и опрокинул напиток в рот.

– Пожалуйста, – сказал доктор Абрамс и снова наполнил крышку, – но эта последняя.

Жидкость угольком упала в желудок, пустила раскалённые нити по венам.

– Спасибо.

– Так что с вашим отцом?

– Он...

Я отвёл глаза.

– Он умер, когда я был на полпути в Индию. Отец умер, а меня не было рядом. Я даже на похоронах не был! Если б я знал, если б я знал наперёд... Я бы ни за что не отправился в это путешествие.

– Пути Господни неисповедимы. Знать грядущее невозможно.

– Знаю, знаю. Но разве от этого легче? И знаете что, отец выглядел совершенно здоровым. Кто бы мог подумать?..

– Так бывает, сэр Чарльз, он умер от старости. Тихо, без мучений, в постели.

– Вы так говорите, словно были там, – зло бросил я.

– Идёмте, сэр Чарльз. Не следует выставлять своё горе напоказ. В какой гостинице вы остановились?

Я назвал адрес.

– Вам необходимо успокоиться, отдохнуть. Идёмте.

Мы вышли из ресторана. На пороге я почувствовал на себе пристальный взгляд. Обернулся, но каждый был увлечён собеседником или едой. Лишь одинокий сикх скучал.

Я распрощался с доктором Абрамсом, договорился о встрече на завтра, отыскал свободного рикшу⁴ и спустя полчаса сидел в номере, в кресле. Пил виски и смотрел на чёрно-белое фото отца в бронзовой рамке.

Когда третий стакан подходил к концу, в дверь постучали. Это был хозяин гостиницы. Он сказал, что приходил сикх и оставил мне записку. Я поблагодарил, вернулся в кресло и развернул жёлтый листок бумаги. «Я слышал разговор в ресторане, – гласил он. – Старик неправ. Ты можешь стать хозяином Судьбы. Приходи завтра в лавку Махмеда.» К счастью, я знал указанное место. В ином случае мне предстояли бы трудные поиски. Лавок в Калькутте тьма.

Конечно, я сомневался, стоит ли идти на встречу с незнакомцем. Но любопытство, дух приключений склоняли согласиться. Я вспомнил сикха в ресторане: белые одежды, благородное лицо, умный взгляд. Нет, он не производил впечатления злоумышленника, скорее мудреца.

Меня ожидала беспокойная ночь. Сомнения грызли душу, строчка «Ты можешь стать хозяином Судьбы» будоражили кровь. Перед глазами вставали то лицо сикха, то отца. Если бы не виски, думаю, ночь была бы ещё ужаснее.

Наутро я встал с тяжёлой головой и полными веками сонной пыльцы. До полудня оставалось довольно много времени. Позавтракав, я пристал с расспросами к хозяину гостиницы. Знает ли он человека, оставившего мне записку? Оказалось, нет. Как он выглядел? Они все на одно лицо: с грязной бородой, в старой одежде, но с горделивой осанкой и полным достоинства взглядом. Сказал ли он что-нибудь? Только попросил передать записку белому господину. Как видите, ничего полезного я не выудил.

– Как думаете, стоит ли идти на встречу с незнакомцем? – спросил я.

– Если этот незнакомец сикх, а вы девушка, я бы отсоветовал.

– Что вы имеете в виду?

– Только то, что сказал. Бывали случаи, когда сикхи похищали белых женщин. Думается, без их согласия.

Я совершенно запутался, поэтому вернул разговор в нужное русло:

– Незнакомец – сикх, и встреча назначена мне. Днём.

Индуc пожал плечами.

– Среди бела дня зло спит. Думаю, вам нечего опасаться, господин. Вот ночью я бы не пошёл. Кто знает, забыли ли сикхи ненависть к англичанам.

Как говорится, успокоил. Я вспомнил газетные сводки об англо-сикхской войне, и во мне проснулся страх. Но не нападут же на меня на глазах у других людей! Хотя в лавке какие люди помимо торговца? С другой стороны, я приехал сюда ради приключений и новых знаний. Пospорив с самим собой, я решил рискнуть, но на всякий случай прихватить револьвер.

Так как времени до полудня было полно, до лавки добирался пешком. Как только влился в шумную толчею, на и без того мутную голову обрушились десятки запахов. Помёта скота, пальмового масла, специй... Со всех сторон неслась туземная речь, крики детей. Я чисто механически пробивался сквозь толпу, мало что соображая. В тот момент я был лёгкой добычей для воров-подростков. Благо, в карманах лишь позванивала мелочь. Чуть было не лишился золотых часов, но вовремя ухватил за блеснувшую перед глазами цепочку. Дал мальчишке подзатыльника и вернул часы в нагрудный карман.

Наконец, я увидел вывеску «У Махмеда». Протиснулся сквозь плотные ряды покупателей бананов и буквально ворвался в лавку. Захлопнул дверь и привалился к ней спиной, словно чудовищное ассорти запахов могло вломиться следом.

⁴ Рикша – индус, запряженный в коляску, основной транспорт в Индии.

Махмед – пожилой индус с козлиной бородкой и весёлыми глазами – смотрел на меня, как на чудака. Я приосанился, поправил одежду и обнаружил, что часы всё-таки украли. Слава Богу, не фамильная ценность.

В лавке пахло специями и стариной: приятно, успокаивающе.

– Приветствую вас, господин, – сказал индус. – С какой целью вы прибыли в лавку старого Махмеда?

Я удивился. С какой целью могут придти к торговцу? Огляделся: подносы, подсвечники, статуэтки богов из слоновой кости и чёрного дерева. Если сикх опоздает, придётся что-нибудь купить. Не говорить же, что я пришёл встретиться с человеком.

– Посмотрю, чем ты богат, тогда и скажу, чего хочу, – сказал я. – Не подскажешь, сколько времени?

– Скоро полдень, – расплывчато ответил индус.

Я оглянулся на дверь.

– Кого-то ждёте?

Видимо, мой взгляд был достаточно красноречив. Несмотря на неуверенное «нет», индус кивнул, отодвинул пурпурную занавеску и сказал:

– Пожалуйста сюда, господин.

Моему взору открылась небольшая комната, устланная циновками. В центре стоял низкий столик, по бокам – разноцветные подушки.

– Устраивайтесь поудобнее.

Я разулся и сел на подушки по-турецки. Тут же передо мной возник кальян. Правда, меньше, чем я привык видеть. Дома я любил потягивать табак через чубук, в Индии же – родине кальянов – курение, наверное, организовывали с большим искусством. По крайней мере, аромат исходил иной. Да и табак выглядел иначе, словно облили клейким соком или карамелью.

Я вдохнул густую струю дыма – голова сразу пошла кругом. Сказывался недосып и ночные переживания. Спустя несколько минут в комнате повисли белесые облачка. Тело наливалось свинцом, веки слипались.

Я отложил трубку. Для разговора с сикхом нужна ясная голова. Правда, с этим решением я запоздал. Мысли сбивались в кучу, а стены намеревались сбежать.

Окон не было, когда комнату не мешало бы проветрить. Я хотел было встать, позвать Махмеда, но ноги превратились в вату. Я упал лицом в подушки, вокруг стемнело. Я провалился в глубокий сон.

Когда я очнулся, долго не мог понять, где нахожусь. Холодную тьму размывали лишь несколько свечей. Я лежал на подушках, на носилках. В углу угадывались очертания какой-то статуи.

Вдруг впереди, в огромной железной чаше вспыхнул огонь. Глаза статуи блеснули, черты стали резче, и я угадал в идоле ужасную богиню Кали. Кожу обнял мороз. Уж не попал ли я в лапы к тагам? Сей орден, названный газетами орденом Душителеев, с древних времен держит Индию в страхе. Фанатики верят, что человеческие жизни питают силу Кали, помогают ей в нелегкой борьбе со злом.

Невольно я коснулся шеи. Казалось, платок уже впился в нее.

– Сэр Чарльз Тернер? – медленно спросил скрипучий голос.

За пылающей чашей я увидел скрюченную тень на каменном троне. Над ним горели два факела.

Я сглотнул слюну и ответил:

– Д-да.

Из темноты справа донёсся тяжкий вздох и лязг цепей. Там что-то качалось, что-то живое.

– Мне сказали, ты недоволен судьбой.

Внимание вернулось к трону. Глаза привыкли к темноте, и я смог различить ветхую старуху в грязном тряпье. Она сидела в позе лотоса. Беззубый рот превратился в волнистую щель. В глазах – вековая усталость. Когда старуха говорила, подбородок дёргался так, что, я опасался, вот-вот отвалится.

– Твой отец умер, когда тебя не было рядом. Твое сердце исполнено горечью и содрогается от боли, душу гложет чувство вины.

– Как ты?..

– Узнала? Я прожила много лет и знаю много больше, чем простые смертные, – старуха говорила чисто, словно всю жизнь прожила в Англии.

– Где я?

– Под землёй. Не бойся, тебе ничто не грозит. Ты – мой гость.

– Но как я здесь оказался?

– Путь сюда знают только посвящённые. Тебя отнесли, когда ты уснул. Так надёжнее, чем просто завязать глаза.

– Меня усыпили?

Старуха чуть качнула головой.

– Опиумное тесто.

Так вот почему дым из кальяна вскружил голову!

– Зачем?

– Зачем здесь ты? Я предложу тебе то, что больше никто не может предложить. Один раз ты обжёгся и не хотел бы, чтобы это повторилось.

Несомненно, она говорила об отце.

– Что если я скажу, что могу открыть тебе твою судьбу?

– Но это невозможно!

– Ещё как возможно. Ты забудешь фразу «если б я знал». Станешь хозяином своей жизни. Я могу открыть все значимые события, так или иначе связанные с тобой. Рождение ребёнка, смерть близких, твою смерть...

Я содрогнулся. Либо старуха сумасшедшая, либо говорит правду. Страх испарился так же неожиданно, как появился. Тело охватила дрожь, жгучее желание познать то, что никому не позволено. Управлять судьбой, предотвращать беды, удачно планировать поездки, дела, знать, чьи и когда акции поднимутся в цене, а чьи упадут!.. Возможности безграничны!

Беспокоило лишь едва осязаемое чувство подвоха.

– Я могу подумать?

– Конечно.

– Я дам ответ завтра.

Хотел встать, но скрипучий голос остановил:

– Нет, второй раз ты сюда не вернёшься. Решай сейчас. Или думай. Пока не дашь ответ, отсюда не уйдёшь.

Сзади простонали, снова забряцали цепи. Я обернулся. Длинный язык пламени на миг осветил висящий вверх ногами силуэт в железных путах. Волосы на голове зашевелились.

– Они здесь добровольно, – успокоила старуха. – Мучения в этой жизни воздадутся им счастьем в следующей.

Я передёрнул плечами. Такая религия не по мне.

– Хорошо, – сказал я, – ты получишь ответ. Скоро.

– Обычно соглашаются, недолго думая.

Показалось, или в глазах старухи мелькнуло уважение? Впрочем, от бликов огня да ещё на таком расстоянии могло привидеться всё что угодно.

Я сел, подобрал ноги, свесил голову на грудь, попытался отрешиться от окружающей мрачной обстановки. Согласитесь, мудрствовать сидя в кресле у камина много проще.

Страх остаться навсегда под землей, страх сделать неверный выбор и его возможные последствия мешали сосредоточиться. В голову лезли подсчеты прибыли. Ладонь уже охладила презренный металл. Любопытство, азарт, страсть к приключениям настойчиво отбивали рассуждения. Жадность писала завидные картины. Тщеславие гасило разум.

Тело покрылось потом, душа нетерпеливо горела, в висках стучало. Я никак не мог заставить себя думать, мыслить здраво и хладнокровно. Вот она – небывалая власть,

совсем рядом. Какие тут размышления! Как молоток, одни и те же мысли долбили голову, не оставляя места для новых.

И тогда я вспомнил путешествие в Японию, месяцы, проведенные в горном монастыре, уроки медитации. Передо мной возник спокойный образ учителя в дожде лениво опадающих лепестков сакуры, и я сам невольно расслабился. Напряжение тонкими ручейками вытекало из тела. Снег величественных гор пушистым одеялом покрыл бурное пламя, вернул рассудок.

Я закрыл глаза, и словно воспарил. Настало время «за» и «против». Ответы приходили быстро, выстраивались в ровные ряды. Не знаю, сколько прошло времени, прежде чем я понял, что готов ответить: несколько минут, час, два, а, может, на землю опустилась ночь.

Это была самая сложная битва в жизни – с самим собой. И всё-таки, как мне кажется, я принял верное решение. Поборол корысть и любопытство.

– Нет, – громко сказал я и для пущей убедительности мотнул головой.

– Нет? – воскликнула старуха, чуть не подпрыгнув на месте.

– Я отказываюсь от предложения.

Брови старухи живо взобрались на лоб.

– Почему?

– Этому множество причин.

– Ты первый, кто их увидел. И каковы же они?

– Во-первых, изменить, предотвратить можно не всё. К примеру, есть неизлечимые болезни. А если одна из этих гадостей поразит дорогого мне человека? Каким тяжёлым тогда окажется знание! Я буду бессилён его использовать, а после – винить себя, что не сумел предотвратить смерть близкого. Как я смогу смотреть ему в глаза, если для меня он будет уже мёртв? Отношение к несчастному изменится вмиг. Он, конечно же, это заметит. Дружбе конец. Я расстанусь с любимым человеком ещё раньше, чем было суждено. Буду страдать сам... Лишь всё испорчу!

– Хорошо. Я поняла тебя. Каковы же другие причины?

– Попытка что-либо изменить не исчезнет без следа. Повлечёт последствия. Возможно, незначительные. Возможно, благотворные. А, возможно, более страшные, чем могло бы, не вмешайся я.

Старуха одобритительно кивнула. Мой голос с каждым словом набирался храбрости и уверенности. Я продолжил:

– Вы сказали, откроете дату моей смерти. Многие желают этого. Они просто не задумываются, чего им будет это стоить. Сидеть дома, грызть ногти в ожидании рокового дня – вот уж перспектива. Жить и не жить одновременно.

Старуха беспрестанно кивала, морщинистая щель на месте рта растягивалась полумесяцем.

– И наконец, что есть жизнь? Она тем и интересна, что неизвестно, чем порадует, огорчит, удивит тебя завтра. Интересна подарками, сюрпризами, стремлением чего-то достичь, познать. Во что она превратится, если знать, когда умрёт каждый твой знакомый, родственник, ты сам? Если я буду знать о том, что, как мне покажется, смогу предотвратить, направить в лучшую сторону? В гонку? В непрерывную борьбу или пытку? Только и будешь ждать очередной даты, отмеченной в блокноте. Пытаться что-то сделать, перебороть судьбу. Если знать о жизни всё, то какой интерес жить?

Я вздохнул, покачал головой и заключил:

– Пытаясь познать будущее, рискуешь потерять вкус жизни.

Молчание. Слышно хриплое дыхание старухи. Ей осталось недолго. Она прожила достаточно, и её час близок. Старуха уже не производит впечатление живого человека. Кости, обтянутые жёлтым пергаментом. Только в глазах ещё теплится жизнь.

Молчание затянулось. Я испугался, не заснула ли старуха.

– Что, если я скажу, что ты умрёшь через два дня?

Я вздрогнул. Грудь сдавило ледяным жгутом. Во рту пересохло.

– Что ж, – слова давались с трудом, – значит... такова моя судьба.

– Но ты сможешь её изменить! Только прими моё предложение.
– Судьба переменчива. Сейчас ты видишь одно, а завтра второе.
– Другие считают иначе.
– Но я ведь могу иметь собственное мнение? В жизни полно развилок. И дальнейшее её течение зависит только от самого тебя, какой путь выберешь ты.

– Ты мудрый человек, сэра Чарльз. Не скажу, что обрадована твоим решением. Надеюсь, ты подарить мне несколько лет жизни ради такого дара...

И она молчала?! Когда же собиралась сказать о цене своего подарка? Отдать несколько лет жизни... А если осталось-то всего ничего, и сгину в морской пучине в каком-нибудь очередном путешествии? Недолго бы мне пришлось радоваться приобретенной способности.

– Конечно, если приложить усилия... можно добиться всего, – продолжила старуха, в голосе послышались угрожающие нотки, но они тут же растворились в горечи. – К сожалению, магия чувствительна к фальши, а договор, как мы с вами знаем, – это согласие обеих сторон. Я в вас ошиблась.

Повисла неловкая пауза, и я задал вопрос, ответ на который был очевиден:

– Вы разочарованы?

– Да. И всё же не могу не проявить уважения. Я думала весь Запад в плену корысти и похоти.

– Спасибо. Удивительно, но я ещё не знаю твоего имени.

– Тебе его знать ни к чему. Сейчас подойдёт Кушал, ты его уже видел. Не пугайся.

Я подумал, с чего бы мне его бояться.

Факелы над тронном потухли, огонь в железной чаше схлопнулся и отделил меня и старуху стеной непроглядной тьмы. Послышалось шлёпанье босых ног по камню. Я увидел сикха из ресторана. Он шёл, сложив ладони ковшиком. Замер передо мной.

– Ты отведёшь меня назад? – догадался я.

Не говоря ни слова, сикх расправил ладони и дунул. В глаза и нос ворвался то ли порошок, то ли пыльца. Я зажмурился, затрусил головой и вдруг почувствовал, как неудержимо клонит ко сну. Голова закружилась. Мелькнуло совсем близко бородастое смуглое лицо, пахнуло немывтым телом и сезамовым маслом. Я упал на подушки, сознание оборвалось.

Под окнами мычала корова. Я мысленно проклял её хозяина и приподнялся на локте. Движение тотчас отозвалось болью в голове. Лицо превратилось в гримасу.

Я лежал в номере гостиницы, на кровати. Целый и невредимый. История со старухой казалась сном. Тем более неподалёку красноречиво сверкала янтарём бутылка виски.

Спал я одетым, поэтому приводил себя в порядок недолго. За это время звон в голове поутих.

Я вспомнил, что назначил встречу доктору Абрамсу. Который час? Часов при мне не оказалось.

Я тупо уставился в стену, пытаюсь вспомнить, выкладывал ли их из кармана. Может, в лавке Махмеда я всё-таки был?

За окном разгоралось солнце. Получается, я проспал чуть ли не сутки?

Надо спросить хозяина гостиницы, кто меня сюда принёс. И покидал ли я вчера гостиницу вообще?

Я коснулся ручки двери, под ногой что-то прошуршало. Записка.

Я поднял её и прочёл: «Если поторопишься, успеешь к рождению племянницы».